

ЧУДО-ДЕТЕКТИВ

ВИКТОРИЯ
ЛИСОВСКАЯ

ПОЛУНОЧНОЕ
ВЕНЧАНИЕ

Чудо-детектив

Виктория Лисовская
Полуночное венчание

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Лисовская В.

Полуночное венчание / В. Лисовская — «Эксмо», 2019 — (Чудо-детектив)

ISBN 978-5-04-099632-2

Алиса Воронова очнулась в очень необычном положении – она невесомо парила под потолком химкинской больницы, наблюдая за безуспешными попытками реанимации ее физического тела. Вскоре стало понятно, что спасти и откачать Алису не удалось. Безутешный призрак Алисы отправился в полет по коридорам больницы, пытаясь осмыслить случившееся. Странно ведь еще и то, что девушка совершенно не помнит, что же с ней вчера произошло после того, как она вернулась с работы. И только чудо сейчас поможет ей вспомнить все...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-099632-2

© Лисовская В., 2019
© Эксмо, 2019

Содержание

Глава 1. Этого просто не может быть...	6
Глава 2. То, чего быть не может...	8
Глава 3. Выход из безвыходного положения	12
Глава 4. Норка, куда провалилась Алиса	15
Глава 5. О сколько нам открытий чудных...	22
Глава 6. День не задался...	26
Глава 7. С такими друзьями врагов не нужно...	32
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Виктория Лисовская

Полуночное венчание

© Лисовская В., 2019

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

* * *

Вы те, которыми мы были... Мы те, которыми вы станете...
(Надпись на могильном камне)

Глава 1. Этого просто не может быть...

Верю ли я в религию и загробную жизнь?

Странный вопрос для ребенка, выросшего в семье воинствующих атеистов: у отца – преданного политработника и интеллигентной преподавательницы – матери, для которой подлинным богом был и остается мир высокого искусства. До вполне сознательного возраста о духовных ценностях я особо не задумывалась. Было некогда – приходилось учиться, грызть гранит науки, пытаться построить личную жизнь. Все это вылилось в то, что в полные двадцать семь лет, даже практически двадцать восемь, красавица отличница с престижным высшим образованием с высоты более двух метров под побеленным потолком невзрачной подмосковной больницы взирает на толпу медиков-реаниматологов, пытающуюся всевозможными средствами вернуть к жизни мое прекрасное и молодое тело.

Конечно, какое-то общее, обобщенное понятие, почерпнутое из всевозможных книг, фантастических фильмов и страшилок про привидения, я имела. Но вопрос, что же будет, когда меня не будет, меня особо не тревожил. Молодая, здоровая, что со мной может случиться? Максимум, что меня мучило (вот уже я употребляю глаголы о себе в прошедшем времени), это обычный осенний насморк.

И вот теперь, вися под потолком Химкинской больницы и взирая на свой хладный труп (какое слово-то некрасивое «труп»), я всерьез задумалась, а что же, собственно говоря, происходит? Где я? Кто я? Или лучше сказать: «Что я»?

Мысли о моем неодошевленном состоянии оказались вполне материальны, так как из всех присутствующих в палате врачей и медсестер меня никто не видел и не слышал, не обращая никакого внимания.

У меня же, как ни странно, не было даже и капельки паники – просто абсолютное какое-то вселенское спокойствие.

А внизу жизнь вокруг меня, той еще, тепленькой, бурлила, можно сказать даже била ключом. Не добившись никаких успехов с помощью дефибриллятора, пожилой сутулый врач (я сверху прекрасно видела его блестящую лысину в обрамлении пучков седеющих волос) принялся колоть мне в правую руку какую-то жидкость. Молоденькая медсестричка с французским маникюром на руках нажимала какие-то кнопки на неизвестном мне медицинском препарате, не переставая бубнить себе под нос:

– Такая молодая и красивая. Ну-же, девочка, ну же, возвращайся! Ты можешь! Давай же, давай же...

Все было бесполезно. Об этом красноречиво свидетельствовала прямая полоска ритма сердца на экране аппарата.

Я сверху спокойно с ухмыляющейся улыбкой наблюдала за их манипуляциями, ничего не чувствуя и не ощущая.

Вот смешные! Что значит «возвращайся»? Куда вернуться? Как? А главное – зачем? Мне на тот период было так спокойно и радостно, как никогда в прошлой жизни. Казалось, я могу вот так вечно провисеть, как воздушный шарик, под потолком больницы – никуда не спешить, ничего не опасаться.

Меня тогда волновало только одно – я только сейчас заметила, что, оказывается, на мне, той, оставшейся внизу, были надеты рваные колготки. Или я так в них и проходила целый день, или их зацепили санитары из «Скорой», когда заносили меня в больницу, но меня сейчас волновало только это. Как же так – внизу находятся приятные врачи-мужчины, а я перед ними, пардон, в рваных колготках.

Позор-то какой!

Сутулый врач посмотрел на циферблат наручных часов и промолвил:

– Время смерти – 8.45. Запишите, Леночка, пациентка Алиса Воронова – время смерти 8.45.

Так, мои дорогие, что значит «время смерти»? Чьей смерти? Моей?

Я же – Алиса Воронова.

Да не может такого быть!

Это все кошмарный сон! Я сейчас проснусь в своей уютной квартирке на улице Юбилейной. Рядом под боком будет громко мурчать кот Лешка, и всю эту «парящую» дребедень я сразу же забуду.

Какой это «смерти»?

У меня же ипотека на тридцать лет! Я же еще даже ни разу замуж не сходила!

Нет, дорогие мои, так не пойдет! Я на это не согласна!

Как же я могла умереть? От чего?

Тут, к своему ужасу, я увидела, что меня, ту, нижнюю, укрыли белой простыней, так что видны оказались только кончики моих любимых дорожных сапог на шпильке.

Тут некстати вспомнилось, что покупка этих самых сапог в свое время съела чуть меньше половины моей месячной зарплаты в роскошном бутике итальянской обуви на Тверской.

Тогда симпатичный курносый парнишка-продавец, таскающий мне обновки в магазине и подбирающий нужный размер, философски заметил, что об этой покупке я ни на секунду не пожалею, обувь шикарная, и я в ней вполне смогу проходить всю жизнь.

У судьбы явно проблемы с чувством юмора, с горечью заметила я. Башмачнику с такой фантастической интуицией нужно явно участвовать в битве людей с паранормальными способностями. Видать, накаркал. Вот и проходила в сапогах всю оставшуюся жизнь – даже один осенний сезон не доносила.

Вселенское спокойствие постепенно стало покидать меня. И до меня наконец-то дошло.

Это все! КОНЕЦ!!

НЕТ!! ЭТОГО ПРОСТО НЕ МОЖЕТ БЫТЬ!

Глава 2. То, чего быть не может...

Я все так же парила под потолком больницы, врачи все уже вышли из палаты.

Мое тело было накрыто белой простышкой и ждало санитаров, которые должны были отвезти его в морг.

Я же была в полном паническом ужасе и не представляла, что же делать дальше.

Все мои скудные познания о загробном мире базировались на христианских понятиях – рае с ангелочками, сидящими на облачках и играющими на лирах, об адских котлах с варящимися в них грешниками. Но ничего подобного поблизости не наблюдалось.

Я еще раз сильно ущипнула себя за руку, чтобы проснуться.

Блин, больно...

Было действительно очень больно.

«Еще синяк останется», – с грустью подумала я.

Стоп, у меня начался нервный смех, синяков теперь точно не останется. Потому что не на чем оставлять синяки. Я-настоящая лежу там, внизу. Отдыхаю в лучшем из миров.

Хотя о чем это я? В лучшем из миров теперь нахожусь Я – та, что под потолком.

Окончательно запутавшись в двух своих ипостасях, я принялась судорожно оглядываться в поисках ангелов, чертей, архангела Гавриила, света в конце туннеля – хоть чего-нибудь, что могло бы дать мне подсказку о моей нынешней сущности.

Однако ничего подобного в радиусе нескольких метров я не заметила.

Стоп, а может, я в коме?

Может, у меня сейчас клиническая смерть?

Я где-то читала, что клиническая смерть может длиться до девяти минут, и даже есть возможность откачать и спасти человека.

Так, Алисочка, еще не все потеряно.

Я попыталась подлететь к своим бранным останкам.

Необыкновенная легкость наполняла все мое невесомое тело. Но управлять внезапно обретенными летательными способностями оказалось не так уж легко, как представлялось на первый взгляд. Физические законы никто не отменял, но они каким-то непостижимым образом перестали действовать на меня. Точнее, они действовали, но с точностью до наоборот. То есть для того, чтобы переместиться вправо, мне приходилось прилагать все свои усилия в левую сторону, для движения вниз – нужно было тянуться вверх.

Когда-то в детстве я ходила с папой в цирк, возле здания смешной клоун в огромных полосатых штанах с разукрашенным лицом и ярко-красным носом приглашал всех желающих принять участие в небольшой поездке, буквально на несколько метров, на «неправильном» велосипеде. Цирковые умельцы его специально подкручивали и завинчивали так, чтобы езда на велосипеде была сродни экстремальным видам спорта. Педали не хотели слушаться наездника, поворот руля вел себя самым непредсказуемым способом, получить выигрыш и добраться до финишной линии было необычайно сложно.

Мне тогда было лет семь, я безумно хотела на день рождения велосипед, но родители его никак не покупали, отмахиваясь от ребенка нелепыми отговорками. На самом деле, как я позже узнала, виной всему была банальная нехватка денег, но признаться в этом любимой доченьке ни у кого язык не поворачивался. Я обижалась на родителей, на каждый праздник тонко намекала на вожденный велик. Сама же, заимствуя двухколесного друга у рыжего Вовки из соседнего подъезда, научилась весьма неплохо гонять на нем. Но в детстве велик мне родители так и не купили.

Так вот, вытерев тыльной стороной ладонки перемазанные от ванильного мороженого губы, протянув клоуну заветный рубль, переданный моей заботливой бабушкой «на конфеты»,

я смело шагнула к полоске старта и с помощью красноносого балагура влезла на «неправильный» велосипед.

Папа даже не успел помешать мне осуществить задуманное.

Я, как ас велосипедного спорта всего нашего детского двора, пригнулась к седлу велика, с трудом дотянувшись до педалей, сделала пару движений, и уже через пару секунд лежала на жестком асфальте, потирая ушибленный локоть и с тоской наблюдая за огромной прорехой на моем нарядном розовом платье, которое не выдержало моего не совсем плавного приземления на асфальт.

Подскочивший папа потом еще долго разбирался с извиняющимся клоуном, обещал посадить всех организаторов шоу, которые калечат детей и берут на работу недоумков, позволяющих маленьким девочкам участвовать в подобном безумии.

После такого позорного фиаско мне навсегда разонравились клоуны, и несколько месяцев я даже близко не приближалась к Вовкиному велосипеду.

Так вот сейчас в свободном парении под потолком я себя чувствовала точно так же, как в седле неправильного велосипеда.

Мои руки-ноги слушались меня идеально, а вот окружающая действительность абсолютно не желала участвовать в моих летных упражнениях.

Кое-как с трудом через минут десять (по моим ощущениям и стараниям прошло более часа) я смогла подлететь и неуклюже приземлиться на пол рядом с покрытой простыней телом, бывшим некогда Алисой Владимировной Вороновой.

Со слезинками на глазах я смотрела на себя со стороны.

Вот уж забавно устроена жизнь – ходишь каждый день на работу, встаешь в шесть утра, трясешься больше часа в общественном транспорте, откладываешь деньги на выплаты по ипотеке, мечтаешь слетать в отпуск в Париж, и вот все... в одночасье оказываешься в больничной палате, окутанная проводами и накрытая простыней.

Может, чем черт не шутит, хотя упоминание в данном случае Рогатого явно не уместно, стоит попробовать снова «забраться» в собственное тело и попробовать оживить саму себя?

А что – идея хороша! Руки, ноги, голова – все на месте!

Нет ни кровоизлияний, ни жутких ран.

Тут, к своему жуткому стыду, я поняла, что абсолютно не помню, как же и почему я здесь оказалась.

Я отлично помню вчерашний день, это я сейчас думаю, что он был именно вчерашним, 19 октября. Я была на работе, писала и редактировала какую-то жуткую статью о выборе идеального избранника для разведенных женщин после тридцати.

Да, забыла представиться, тружусь я журналистом-редактором на очень известном в узких кругах женском интернет-портале БлондинКО.РУ. Пишу, точнее писала, всякую дамскую муть, начиная с выбора колготок на зиму, приготовления кабачковой икры до анализа мужских психологических стереотипов поведения. Вот и вчерашний день ничем не отличался от предыдущих жутких серых осенних дней. Я, как обычно, пришла в офис, опоздав минут на двадцать. Но что я могу поделать, если из моих Химок добираться до московского метро в жутко переполненной маршрутке не меньше часа. Хотя по-хорошему без пробок ехать от силы минут пятнадцать. Но рассказ об утренней Ленинградке и пробках на ней – это отдельная история.

Взмыленная, запыхавшаяся от бега на высоченных шпильках, пересмотревшая в пробках по дороге на работу почти три серии из последнего сезона сериала «Доктора Хауса», я наконец-то забежала в свой кабинет.

Ольга Гаврюкина, которую многие за глаза за милую уживчивость характера в коллективе называют Ольгой Гадюкиной, уже была на месте. Пила за своим столом жутко крепкий чай из ужасно безвкусной огромной красной чашки в зеленый горох.

– Опаздываешь, Лисонька!

Я терпеть не могу, когда посторонние называют меня «Лисонька». Но Ольга привыкла всех и каждого именовать уменьшительно-ласкательными именами и прозвищами. Присюсюкивание от взрослой, огромного гренадерского роста бабищи вызывали у адекватных людей минимум легкое недоумение, у остальных – откровенный хохот.

Но у «Оленьки» были железные нервы, просто стальные канаты. Она не обращала внимание на факты, не доступные пониманию ее высокого сознания.

Вес кокетки был около девяносто килограмм, который при огромном росте не казался такой уж насущной проблемой, но все же я бы поостереглась поглощать в таком количестве конфеты. Вот и сейчас рядом с жуткой кружкой в зеленый горох, в которую по моим скромным подсчетам, помещалось не меньше полулитра чая, покоилась на блюбочке гора шоколадных батончиков.

Поздоровавшись с Гадюкиной, раздевшись и кинув светлый плащ на стул, я до вечера изображала бодрый интерес к работе, даже написала пару статей о пользе брокколи для увядающей кожи и раскритиковала в комментариях последнюю тенденцию шерстяных юбок в пол.

После работы, протолкавшись еще час в метро и маршрутке, я приехала домой, поужинала, покормила кота Лешку и...

И... все... Больше ничего не помню.

Потом я пришла в себя, если можно так сказать в данном случае, висая под потолком Химкинской больницы.

Почему я решила, что больница относится к городу Химки, а не, предположим, Москвы, Питера, Монте-Карло или любого другого города, я сказать не могу.

Мой уставший разум, наверное, клетки мозга уже отмирают в моей черепной коробке, сразу выдал мне информацию, что я в подмосковной больнице, и, скорее всего, меня забрали на «Скорой» из дома – и значит, далеко везти до больницы не стали.

Так что же со мной случилось?

Ни ДТП, ни аварий быть не могло, я прекрасно помню, как благополучно добралась до дома, поужинала, покормила кота, а потом темный провал в сознании.

Может, стало плохо с сердцем? С легкими? С желудком? Просто голова закружилась?

А что – тоже вариант. Сейчас и молодые жалуются на всевозможные хвори. Насмотревшись нескольких сезонов раскрученного сериала «Доктор Хаус», я начала судорожно придумывать себе диагноз.

Хотя, кто же тогда вызвал «Скорую»? Кот Лешка? При всей его сообразительности и неотразимой харизме я все же сомневаюсь, что пушистый зверек смог бы набрать на мобильном телефоне цифры 03 и промурлыкать диспетчеру мой адрес.

И если меня забрали из дома, то почему я в сапогах на шпильках, рваных колготках и с солидным, правда, немного размазанным макияжем, в чем я смогла убедиться, засунув свою голову под простыню к себе, любимой.

Для меня все это казалось детской игрой, чем-то несерьезным – в голове не укладывалось, что меня уже нет. Хотелось верить, что это какая-то ошибка, страшный сон, может, галлюцинация, но отнюдь не реальная действительность.

Расшифровка диагноза застопорилась на месте. Мешал немаловажный фактор – я не могла саму себя пощупать, взять за руку или проверить пульс. Я неуклюже топталась у своего собственного тела, но пальцы моей руки проходили насквозь, если я пыталась притронуться к телу.

Пальцы мои не были прозрачны, я ощущала и видела себя точно так же, как всегда, но как в фантастическом триллере, дотронуться до твердой поверхности я не могла. Мне оставалось лишь стоять в шоке и наблюдать.

Робкая надежда попытаться втиснуться в свое тело потерпела полный провал, когда я провалилась сквозь саму себя и сквозь больничную кровать на пол, попытавшись лечь в свое же тело.

Интересно, почему я не проваливаюсь сквозь пол на нижний этаж?

Хоть одна умная мысль за весь день.

Посмотрев вниз, я чуть не вскрикнула, хотя мне уже полагалось быть более восприимчивой к загробным сюрпризам.

Я не могла провалиться сквозь пол, о чем за мою недолгую жизнь я уже несколько раз мечтала, лишь по одной простой причине – я НЕ СТОЯЛА на полу. Мои ноги лишь скользили по его поверхности, не доставая до светлого кафеля несколько сантиметров.

Круто! Хоть стала выше на три сантиметра, всегда была недовольна своим 167-сантиметровым ростом, теперь уже метр семьдесят, хотя кого это теперь волнует, если меня уже нет на этом свете и никто меня не видит.

Мне осталось лишь молча с горечью наблюдать, как в палату вошли два громилы-санитара в белых халатах, переложили меня вместе с простыней на каталку. Сей сюрреалистический сон, если мне предстоит хоть когда-либо еще заснуть, будет преследовать меня очень долго – как два небритых здоровых мужика перетаскивают мое бесчувственное тело на каталку и куда-то увозят. В глубине сознания я понимала, что увозят меня ни много и ни мало, а в морг.

В самый настоящий морг!

На этом моменте стоило упасть в долгий и глубокий обморок или для эффекта схватиться за сердце, но у меня в серьезных ситуациях включается цинично-ироничный режим – некая защитная реакция, позволяющая выжить в непростых ситуациях.

Но слово «выжить» уже нужно исключить из моего лексикона.

Итак, подведем итоги – меня увезли в морг, я в шоке парю в трех сантиметрах от пола, света в конце туннеля не видать.

Жизнь кончена во всех смыслах этого слова!

Глава 3. Выход из безвыходного положения

Теперь оставалось только смириться, сложить ручки на груди или ждать Страшного суда, или переквалифицироваться в доброе неприкаянное привидение нынешней больницы.

Но даже призраком мне стать было не суждено.

Меня никто не видел, не слышал и не замечал.

Плавню выпорхнув в холл больницы, я с легкостью проходила через спешащих мне навстречу медсестер, санитаров, бодрой бабульки в потрепанном зеленом пальто с авоськой апельсинов, спешащей к своему супругу-пенсионеру, отдыхающему после инфаркта в палате номер четыре.

Никому не было абсолютно никакого дела до меня, я тупо прослонялась еще минут двадцать по холлу, послушала сплетни в ординаторской, узнала сенсационные новости, что Светка Левченко из хирургии купила себе изумительные сережки на распродаже в Сокольниках, что главврач Смирнов спит со своей молоденькой секретаршей, то-то она так нагло и вызывающе ведет себя с младшим медперсоналом.

Вся эта информация мне была абсолютно не интересна и скучна.

Что мне теперь, до окончания веков слушать весь бред живых людей? Я даже, как порядочное привидение, никого и напугать не могу. Меня никто в упор не замечает.

Даже попытавшись присесть на колени к симпатичному молоденькому интерну, я не почувствовала абсолютно никакой реакции. Он продолжал на компьютере раскладывать пасьянс, пить крепкий кофе и, убедившись, что его никто не видит, ковыряться в носу.

Фу! Как некрасиво!

Если бы я знала, что в каждый момент за любыми событиями в нашей жизни могут наблюдать бесплотные души – я бы, конечно, была бы намного внимательнее к мелочам.

После подобного физиологического действия интерн мне окончательно разонравился.

Лежа на кушетке в ординаторской, пытаюсь всеми силами не провалиться сквозь диван, я принялась размышлять о своей незавидной участи. А что мне еще прикажете делать?

Тут мне на память пришел старый добрый голливудский фильм «Привидение» с молодой Деми Мур и Патриком Суэйзи, герой которого, попав в щекотливую ситуацию и став настоящим духом, отправился за помощью к медиумам и экзорцистам. А что – вдруг только люди с паранормальными способностями могут нас видеть и слышать?

Конечно, найти в Москве и ближайшем Подмосковье аналог Вупи Голдберг было нереально, но хоть какая-то идея. Еще меня не оставляла мысль, а почему меня никуда не забрали? Где обещанные небеса? Где хоть что-нибудь? Неужели это и есть ад – слоняться веки вечные по земле неуспокоенным духом? Да, так точно свихнуться можно, а чокнутое привидение – действие не для слабонервных.

И еще, что пугало, я не помнила, как я здесь оказалась. В моей прежней жизни меня никогда не преследовали провалы в памяти.

Судя по надетым колготкам, сапогам и макияжу, я вечером куда-то собралась сходить.

На меня напал маньяк? Но, судя по телу, которое я прекрасно смогла разглядеть под простыней, на мне не было никаких видимых повреждений. Если бы меня задушили, были бы посиневшие губы, вывалившийся язык и т. д. Ран и синяков на теле тоже не было. Скорее всего, сердечный приступ, но я никогда не жаловалась на сердечную мышцу.

Позвонить и спросить кого-нибудь я не могла.

Позвонить обезумевшим от горя родителям, которым, скорее всего, сообщили о моей смерти, и сказать: дорогие мои, любимые, что же мне теперь делать?

Позвонить лучшей подруге Юльке, которая, конечно, тоже расстроилась от моей прежневременной гибели, – тоже не вариант. С бывшим парнем Олегом я уже несколько месяцев не разговаривала, мы страшно поссорились в прошлый раз, и мириться я точно не собиралась.

Интересно, он придет на мои похороны или нет?

О чем это я думаю!

Если мне предстоит вечно слоняться бесплотным духом по земле – это мне предстоит приходиться на похороны всех моих знакомых и близких.

Подобная альтернатива меня абсолютно не устраивала. И после того как на меня в прямом смысле слова уселся интерн, бросивший пасьянс, и решил расправиться с бутербродом с колбасой на диване, мне пришлось ретироваться из ординаторской и вылететь в коридор.

Могу я сказать, мало удовольствия, когда на вас садятся.

Боли или дискомфорта от этого я не почувствовала, но осознавать, что на мне, а точнее, во мне, кто-то сидит, абсолютно не хотелось.

Выплыв или вылетев в коридор, называйте это действие как хотите, я внезапно почувствовала странное ощущение. Меня на пару секунд достиг пронизывающий до самых костей холод. Жуткий ледяной страх сжал сердце. Что это может быть?

Ощущение панического страха прекратилось, но разве призраки, к коим я себя с теперешнего дня отношу, способны чувствовать подобные эмоции?

Я развернулась, холодный сквозняк чувствовался из противоположного конца коридора. Насколько я успела заметить, там находились операционные.

Все верно, быстро пролетев через закрытую, выкрашенную грязно-белой краской дверь, я оказалась в операционной. Бригада хирургов склонилась над телом взрослого мужчины с окладистой рыжей бородой. Врач в светло-голубом медицинском халате что-то вырезал в его внутренностях. Я не сильна в медицине, но сообразила, что что-то идет не так. Хирург дико нервничал, кричал на ассистентов, но не это меня поразило.

Я с удивлением застыла, превратившись в соляной столб.

В верхнем углу операционной под потолком парил в воздухе толстый мужик с длиннющей рыжей бородой. Абсолютный двойник лежащего на операционном столе широко улыбнулся мне, задорно подмигнул, и в этот самый миг я увидела, что потолок больницы исчез. Над парящим мужчиной образовался кусочек ярко-голубого чистого неба. Хотя какое голубое небо может быть в октябре в Подмосковье? Несколько дней не переставая моросили осенние дожди, небо было скучного серого мышинного цвета. А тут над рыжебородым небеса отливали всеми оттенками бирюзовой лазури, и сам недавно скончавшийся пациент стремительно полетел к долгожданной свободе. Напоследок он махнул рукой мне, с открытым ртом наблюдающей за его перемещениями, влетел в синеву небес, и тут же кусочек лазури с влетевшей в него душой исчез, снова превратившись в потолок операционной.

Хирург возле стола выругался.

– Черт! Сердце не выдержало! Быстро проводим реанимационные мероприятия!

Но дальше я уже не слышала. Беззвучно вылетев в коридор, я судорожно глотала слезы.

Нет, так не честно.

Почему меня точно так же не забрали?! Почему мне не подарили кусочек ярко-синего неба, куда я тоже должна была вылететь, как и рыжебородый пациент?

Слезы текли по моим щекам, я даже не думала вытирать их.

Я летела по больнице, громко рыдая и проклиная в сердцах весь свет, тот и этот.

Вот ведь вечная неудачница! Даже на небесах для меня нет места! Даже туда меня не приняли!

В последний раз я так яростно рыдала, когда меня не приняли на журфак МГУ. Сейчас же ситуация была намного плачевнее. Когда я не поступила на журфак, у меня была еще масса вариантов как-то устроиться в этой жизни.

А вот какие варианты устроиться в этой смерти, я просто не представляла!

Если бы кто увидел меня в тот момент, наверное бы, ужаснулся. Рыдающее привидение, до чего же я дошла.

Мой вой на самой верхней ноте прервал тихий солидный голос:

– А ну не истери, устроила тут, понимаешь!

Я уже который раз за сегодняшний бесконечный день застыла по стойке «смирно».

Из стены напротив выплыла пожилая бабулька в ярком цветастом халате.

Глава 4. Норка, куда провалилась Алиса

Я с удивлением уставилась на древнюю старуху в ярко-розовом халатике, которая выплыла прямо передо мной из-за стены.

– Че ты реवेशь? Всех перебудила! – с плохо скрываемой злостью выдавила она мне.

– Что? Кого? Вы что же, меня видите? – Я не понимала, как эта старушенция, похожая, по моим представлениям, на вреднющую Шапокляк из мультика, могла не только меня видеть, но и разговаривать со мной. Однако тот факт, что она, так же как и я, могла проходить сквозь стены, свидетельствовал об ее принадлежности к нашему общему призрачному племени.

– Конечно же, вижу. Отчего ж не видеть!! Ты когда преставилась?

– Я? Что?..

Подобный вопрос еще вчера вызвал бы у меня взрыв здорового хохота. В эту же минуту я принялась вспоминать слова лысого врача в реанимации. Перед моими глазами снова появилась сцена из палаты: моя бледная рука, свисающая с кровати, пожилой врач, считающая мой пульс, и печальные слова эскулапа: «Пациентка Алиса Владимировна Воронова, время смерти 8.45».

– Я здесь, ну в таком вот состоянии с 8.45, – как школьница-пятиклассница перед лицом всесильной учительницы Мариванны, сообщила я бабушке.

Произнести слово «преставилась», а тем паче «умерла», применимо к моей собственной персоне, у меня просто язык не поворачивался. Поэтому я ограничилась нейтральным «в таком состоянии».

Моя словесная казуистика не осталась незамеченной цветастой старушкой.

– «В таком состоянии»... ну-ну... привыкай... Поначалу всегда трудно и страшно... Первые лет семьдесят, – глупо захихикала старушенция.

– Что? Да что вообще происходит? Кто вы такая? Где я сейчас? – Вопросы от меня посыпались на собеседницу.

– Пошли, я тебе все покажу. Не люблю с новичками возиться, но ты тут своими воплями, чего доброго, живых взбаламутишь. Некоторые тут, особо впечатлительные, чувствуют всевозможные вибрации нашего мира. Зови меня Кузьминична, кстати, – протянула она мне морщинистую руку, покрытую старческими пигментными пятнами, похожими на разбросанную по руке гречку.

– Я Алиса, по крайней мере, была с утра, а что сейчас со мной происходит, я не понимаю, – пожалала я ее руку.

– Пошли на воздух, покажу много чего интересного.

Мы с моей новой знакомой плавно выплыли через коридор в холл.

Я потянулась в сторону лестницы, не на лифте же нам путешествовать, в самом же деле? Но Кузьминична, ухмыльнувшись, потянула меня за собой к огромному окну, выходившему в красивый больничный парк.

– Видишь вон ту скамейку в дальнем конце? – поинтересовалась она у меня.

На зрение я никогда не жаловалась в своей прежней жизни, хотя мне по работе приходилось иметь дело с огромным количеством текста каждый день. Но в нынешней ипостаси все мои чувства были обострены до предела. Зрение, слух, осязание – все стало работать четче, слаженнее и намного лучше. Поэтому мне не стоило никакого труда разглядеть в дальнем конце больничной аллеи деревянную скамейку под высоким кленом, осыпанную ярко-желтыми осенними листьями.

– Вижу, – кивнула я Кузьминичне.

– А теперь закрой глаза и представь себе эту скамейку во всех мельчайших подробностях, – командным голосом приказала бабулька.

Я так и сделала. Зажмурившись, я представила себе зеленую скамейку под кленом.

Представление было настолько ярким, что я даже почувствовала теплый ветерок и запах осенней листвы.

– А теперь открывай глаза, – услышала я старческий голос. – Только смотри не уподи от счастья.

Хорошо, что Кузьминична меня все-таки успела предупредить.

Вместо больничного холла я уже стояла на аллее возле представленной мною скамейки.

Теплый ветерок и запах листьев мне тоже не почудился. Но как же такое может быть? Фантастика!

Последнее слово я произнесла уже вслух, так как Кузьминична, уже усевшись на скамейку, вполне светским будничным тоном, как будто произошедшее ее абсолютно не волнует, уточнила:

– Не фантастика! А скорее, мистика! А что, зачем все время ноги мозолить? Здесь другие законы физики, и передвигаться так значительно удобнее.

– А что, так можно куда угодно попасть? Только представив себе любое место в мельчайших подробностях? – изумилась я.

– Эй-эй, подожди. Все не так просто! – перебила меня Кузьминична.

Наверное, на моем лице застыла мечтательная улыбка, и, чтобы остановить мой пыл умчаться в ту же секунду на Багамы или Бали, или любой райский остров, постер-календарь с которым висел над моим рабочим столом, Кузьминична начала перечислять мне правила.

– Во-первых, тебе пока нельзя делать большие скачки – перемещаться на огромные расстояния. Во-вторых, место, куда ты хочешь попасть, должно находиться в пределах твоей видимости, фотографии иногда тоже подходят. В-третьих, ты должна «прочувствовать» это место, в мельчайших подробностях его представить. В-четвертых, нельзя – ни в коем случае нельзя – перемещаться в прошлое. То есть если ты в прошлом году отдыхала в отеле в Таиланде и сейчас представила то, что было в июне – жаркое солнышко, ласковое море, то ты попадешь, если получится, в Таиланд сегодняшнего дня. В этот отель в октябре. Это понятно?

Я кивнула.

– Еще на первое время нужны тренировки на маленькие расстояния и в те места, которые ты помнишь и знаешь в мельчайших подробностях – свой дом, работа, сквер возле дома и т. д.

Я зажмурилась, представляя родительский дом, но старческая рука вцепилась в меня.

– Нет, подожди, дорогая, так не пойдет. Сначала мы с тобой закончим, я тебе расскажу все правила, а потом можешь отправляться куда хочешь. Мы договорились?

– Хорошо, извините, я не подумала, – смутилась я.

– Ничего, присаживайся.

Я плюхнулась на скамейку, от всего произошедшего просто кругом шла голова. Ничего себе новости. Скорее всего, я скоро проснусь, ничего этого не может быть.

– Ты куришь? – спросила меня Кузьминична.

Я отрицательно покачала головой.

– Ну и правильно. Хотя сейчас что здоровье беречь, правильно? – ухмыльнулась старушка.

Я недоуменно на нее уставилась.

– Извини, у нас принят черный юмор. Я не подумала, что ты еще не привыкла. А я, пожалуй, закурю, нервы успокою. – Кузьминична на секунду зажмурилась, и мгновенно у нее в руках появилась длинная тонкая сигара в красиво изогнутом мундштуке. Похожие аксессуары я видела только в старых советских фильмах, где красивые волоокие нимфы времен НЭПа курили сигары, томно развалившись на мягких диванах, зажав мундштук в тонких пальцах.

– А как вы? Откуда? – Я остолбенела, с удивлением смотря на Кузьминичну и на появившуюся из воздуха сигару.

– Хм... понравилось? То-то. А тебе не холодно? Октябрь все-таки, а ты в платьице, – спросила она меня.

Я только сейчас обратила внимание, что абсолютно не чувствую холода. Теплый ветерок, плавно развевающий мои светло-каштановые волосы, был, а вот октябрьского холода не было и в помине. И я, как правильно заметила Кузьминична, стояла в осеннем парке в коротеньком черном платье, кстати, которое должно было быть в стирке, я его давно уже не надевала. В тех самых дорогуших сапогах на шпильке... и... о, пардон, рваных колготках. Этот факт прорехи в моем всегда элегантном и совершенном облике меня больше всего раздражал. То есть я оказалась в тех самых вещах, в которых я предположительно и «преставилась».

Заметив мой взгляд, разглядывающий с грустью стрелки на коленке, Кузьминична произнесла:

– Не расстраивайся. Хоть кровью не запачкана. Представь себе, в чем приходится ходить жертвам ДТП. Ну так что, не холодно? Переодеться не хочешь? Может, пальтишко?

Кузьминична зажмурилась, и в ту же секунду, вместо бабы в цветастом халате, передо мной на скамейке появилась элегантно одетая и причесанная дама в светло-кремовом красивом пальто. Похожее я видела в бутике в центре, стоило оно просто немислимых денег.

– Пальто не хочешь? А может быть, платьице? – Кузьминична улыбнулась, зажмурилась, и вот она уже передо мной в облике Наташи Ростовской на своем первом балу. Красивое шелковое платье в пол, розовый кокетливый бантик на спине, пышные воланы на руках. Не хватает для полноты картины бравого гусара под боком.

– Платьице тоже не нравится? Может, шубу? Норка? Соболь? Шиншилла? – Кузьминична продемонстрировала мне все перечисленные шубы и манто. В соболях, кстати, она выглядела просто великолепно, настоящая боярыня Морозова.

– Купальник-бикини? Юбка-мини? – улыбаясь, спрашивала она меня.

– Нет-нет, все, я поняла. Бикини я уже не выдержу, – остановила я зарвавшуюся стареющую кокетку. – Хватит, как вы это делаете?

– Что это?

Теперь передо мной сидела Кузьминична в длинном кожаном плаще «а-ля Тринити» из «Матрицы». Ее седые волосы были уложены в длинный гладкий хвост, на глазах появились стильные очки в изящной оправе, щеки радовали ярким румянцем, морщины профессионально были заретушированы тональным кремом, губы украшала терракотовая помада. Назвать эту стильную и модную даму «старушкой», «бабушкой», а тем более сравнить с Шапокляк, что я раньше делала, язык не поворачивался. Сейчас она выглядела максимум лет на сорок пять.

– Так лучше? – спросила она у меня. – Женщина должна хорошо выглядеть всегда, в любой ситуации!

– Даже когда сто процентов мужчин тебя не видят? – с грустью спросила я, кивнув в сторону куривших на крыльце интернов. Один из них, кстати, оказался моим старым знакомым, к которому я пыталась пристроиться на колени.

– В любом случае. Запомни. Даже когда сто процентов живых мужчин тебя не видит и ты их тем более видеть не хочешь, – приказным тоном произнесла Кузьминична.

– А мне так же можно? Ну, переодеться? – засмутившись, спросила я.

– Можно, конечно. А в рваных колготках ходить, даже после смерти, неприлично. Я бы даже сказала, это моветон, – покачала головой Кузьминична. – Так, тебе нужно закрыть глаза, представить в самых мельчайших подробностях вещь, которую ты хочешь надеть. Только представлять вещь нужно именно надетой на себя, не на вешалке в магазине, не в твоём собственном шкафу, а надетую на тебе лично. Только этот предмет гардероба ты должна была уже видеть, щупать, ощущать. Нельзя представлять вещь из последней коллекции модельера, которую ты видела по телевизору. Все понятно? Можешь попробовать.

Я сразу поняла, что бы хотела надеть. В прошлом месяце я просто влюбилась в светлый роскошный плащ, который я видела в одном из столичных шоу-румов. Он идеально подходил к моим сапогам, и хоть цена была не маленькой, я бы его купила, но моего размера не нашлось. Так вот сейчас я зажмурилась, представила себя в плаще, представила, как красиво он будет облегать мой бюст, как великолепно бежевый плащ будет гармонировать с моими длинными каштановыми волосами и синими глазами.

Открыв глаза, я поразились – я была в таком же плаще. Но сидел он, мягко говоря, как на корове седло. Плащ на мне болтался, так как был на три размера больше, чем нужно.

Кузьминична захохотала во весь голос.

– А ничего поприличнее больше не нашлось?

– Да что такое? – с жалостью воскликнула я. – В тот раз размера не было подходящего, и даже сейчас он мне великоват.

– Если ты представляешь вещь из магазина, где не было твоего размера, где он тебе не подошел, значит, ты не можешь его надеть по своей фигуре – такого плаща в этом магазине просто нет. А в другом магазине ты его не видела и не надевала. Представь что-нибудь подходящее из своего личного гардероба.

Я решила в этот раз не выпендриваться, все равно у меня сегодня не получится переплюнуть Кузьминичну с ее соболями. А рваные колготки действительно нужно переодеть – пусть ими санитары в морге любят. Я спокойно представила себя в любимых джинсах, короткой кожаной курточке по погоде, сапоги решила оставить прежние. Представляя себя, я малость подправила макияж, накрашила губы и дорисовала себе легкий румянец.

– Вот так значительно лучше, – одобрила мои старания Кузьминична.

– Вот бы всегда на работу так за одну секунду собираться, – начала разговор я и тут же осеклась. Какая же работа? Теперь нет меня, нет и моей работы!

Похоже, все мои негативные эмоции были написаны у меня на лице, так как Кузьминична сочувственно сжала мне руку и проникновенно спросила:

– А что с тобой случилось? Ты заболела? В аварию попала?

– Я не знаю, все нормально было. А потом... – тут я опять заплакала, слезы потекли по моим щекам. Пантомима с переодеваниями, интересная каждой девушке, на время отвлекшая меня от моей участи, уже закончилась. Теперь ничего не мешало предаться нерадостным думам.

– Ну-ну, что ты. Не волнуйся ты так. Успокойся.

Я, глотая слезы, с надеждой взглянула на собеседницу.

– Расскажите, пожалуйста, что происходит. Я что? Умерла?

При произнесении этого слова меня снова принялось трясти.

– Ну, скажем так. Ты теперь перенеслась в другое состояние, – очень корректно произнесла Кузьминична. – С точки зрения любой религии – это только смерть тела, душа же живет вечно. С точки зрения физики – все мы только сгустки энергии, и это просто переход в другое состояние вещества. Каждый тут понимает, как ему удобнее.

– Но почему я именно здесь? То есть осталась в этой больнице? Где рай? Ад? Я же видела, как там, в палате, открылись небеса, и мужик с рыжей бородой улетел туда.

– Да? Смирнова все-таки забрали? Давно лежал в шестой палате, мучился. Как раз сегодня его должны были оперировать. Значит, его тоже забрали, – сообщила Кузьминична.

– Забрали? Куда забрали? Почему меня не забрали? Почему вы тоже здесь?

– Это очень сложный вопрос. С адом, с раем, с чертями-ангелами. У каждого человека свой жизненный путь, своя судьба – предназначение. Все мы появляемся в этом мире не просто так. – Кузьминична сняла стильные очки, наверное, из последней коллекции Диор, и принялась протирать их жутким клетчатым носовым платком необъятных размеров, появившимся

в мгновение ока из воздуха. – Когда-то на месте этой больницы ничего не было, неподалеку была небольшая деревушка в двадцати километрах от Москвы, здесь же был глухой лес.

Я ярко представила, что там, где гудит скоростная трасса, шумит, не прекращая свой гул ни на секунду, Ленинградка, стояли вековые деревья: высоченные корабельные сосны, раскидистые липы, вечнозеленые ели.

– Я очень давно, более семидесяти лет назад, работала врачом в госпитале на Краснопресненской. Здесь же неподалеку, под Зеленоградом у деревни Крюково, были жаркие бои в 1941 году. В госпитале мест не хватало, раненых все подвозили и подвозили, – глаза Кузьминичны затуманились, она вспоминала прошлое. – Врачи, медсестры, все мы работали до полного изнеможения. Не то что таблеток и препаратов, бинтов, марли не хватало, на перевязочный материал пошли все простыни, пододеяльники со склада госпиталя. Я смотрела на молодых солдат, мальчишек еще, отдававших жизнь за нашу Родину, и у меня сердце кровью обливалось, я понимала, что большая часть из них никогда не вернется домой. Вот здесь на койке, в палате многие умрут, и я ничего не смогу сделать. Мой сын Алеша тогда воевал под Ржевом. Письма и весточки от него получала очень редко. Волновалась безумно и представляла, что чувствуют в этот момент матери вот таких же мальчишек, лежащих у меня в палате. Так вот немцы наступали на Москву, везде шли жаркие бои, многие заводы и предприятия были эвакуированы в тыл, но наш госпиталь нельзя было трогать. У нас были тяжело раненные солдаты, многие бы не выдержали опасного пути. Я с медсестричкой Сонечкой в тот день проводила обход, когда привезли новую партию раненых из Крюково. Целый грузовик с ранеными, наваленными друг на друга. Помнишь, как у Пушкина «и мертвый лежал на живом». Мы с Сонечкой, девчонке было лет шестнадцать, но она в документах приписала два года, смысленная и улыбчивая, она очень хотела быть полезной Родине. Так вот, когда мы с ней возле грузовика разбирали солдат, тащили на себе их до палаты, в этот момент рядом упала бомба. Меня задело осколками. Это я потом, из подслушанных разговоров узнала, что это были осколки. А в ту секунду только яркая вспышка, невыносимая боль, и вот я уже парю в воздухе над своим телом. Я видела душу Сонечки, молодых солдат, над всеми ними открывался кусочек небес, и все они улетали туда, наверх. Я же пыталась протиснуться не в свою очередь, но передо мной была как будто кирпичная стена, меня туда не пустили. – На этом моменте разговора глаза у Кузьминичны увлажнились, и она, смахнув слезы, продолжила: – Вот с того дня декабря 1941 года я и летаю над округой. А сын мой вернулся с войны, правда, потерял на ней правую руку, под арт-обстрелом задело. Женился, я недавно к их внукам, моим правнукам, «залетала». В Туле сейчас живут.

– А сын ваш тоже тут? Ну, он уже умер? Столько лет прошло, – бестактно поинтересовалась я.

– Сын мой Алеша, точнее, Алексей Владимирович, скончался семь лет назад, я была с ним в тот момент, он меня узнал, обрадовался, улыбнулся. Совсем седой стал, но на отца сильно похож, он улыбнулся и улетел в свои небеса. – Кузьминична немного помолчала, а затем продолжила: – Почему одних забирают, очень многих, а лишь некоторые остаются неприкаянными духами-привидениями, никто точно не знает. Лет тридцать назад я разговаривала об этом с одним симпатичным французом Шарлем. Он по центру Москвы с 1812 года гуляет. Так вот у него теория, что те, кого не забрали, видать, не выполнили свою жизненную миссию, не сделали того, что должны были. И пока этого не случится, будут ходить по земле. – Кузьминична вздохнула.

– А как узнать свою миссию? Какая она? – этот вопрос был очень важен для меня. Я не хотела, как солдат из наполеоновской армии, несколько столетий гулять по Москве.

– Иногда я встречаю в Москве неприкаянные души, но здесь их не так уж и много. Есть «туристы», а местные столетиями путешествуют. Наши поговаривают, один дворянин из-под

Тулы XIX века сейчас живет в замке Шотландии, пристроился замковым привидением, живых пугает.

– А как же их пугать, если они нас не видят? – спросила я.

– Это вот эти, толстокожие, не видят, – кивнула Кузьминична на мерзнувших на крыльце интернов, – а люди со сверхспособностями, экстрасенсы, медиумы, многие и видят, и слышат, и даже пытаются разговаривать. Слышала теорию про «белый шум»?

Я кивнула, как раз недавно смотрела научно-документальный фильм, где ученые сконструировали прибор для изучения эффектов «белого шума».

– Тут мне Поликарп рассказывал, он умер в 1856 году, пять лет не дожил до отмены крепостного права, так и умер в рабстве, как он называет. Так он без работы мается, скучно ему вот уже сколько лет, он сейчас всю прессу читает-изучает, решил приколоться. Поболтал при помощи «белого шума» с учеными. Так вот он жаловался, они его совсем не понимают, все его слова искажают. Он хотел сенсацию провести, славы добиться, чтобы его в газетах напечатали, а так, скорее всего, скоро на Хранителей нарвется.

– Хранители? Кто такие Хранители?

– Понимаешь, Алисочка, тут есть такие сущности, они выглядят как обычные люди, но они не живые и не мертвые. Они тут наводят порядок, присматривают, чтобы призраки особо не лютовали, людям не попадались на глаза. В последние два века привидения повадились специально лезть в объективы фото- и видеокамер. Хранители следят за этим, чтобы достоверная информация не попадала в мир живых. За особо тяжкие преступления они могут забрать душу непонятно куда и непонятно насколько.

Кузьминична затянулась длинной сигаретой, но уже через пару секунд, в сердцах выругавшись, выкинула ее в ближайшую мусорку.

– Знаешь, Алиса, все это иллюзия. В сигаретах нет табака, в представленной еде нет вкуса, в выпивке нет алкоголя. Мы все это сами фантазируем. Но этого ничего нет. Призраки не могут напиться, наестся, выкурить сигарету. Всего этого мы лишены, да и не только этого, – добавила она с огорчением.

– Да уж, весело у вас. Ясно, что ничего не ясно. Теперь что же, мне придется вечно искать свое жизненное предназначение? – спросила я.

– Ну по поводу тебя только ты сама сможешь понять, в чем был смысл твоей жизни.

– А может, мне было суждено по судьбе родить гениального ученого, художника, полководца. Но так как я не вышла замуж и у меня не было детей, свое предназначение я тогда, получается, не выполнила? Что же в этом случае делать?

– Я честно не знаю, мне бы со своей сущностью разобраться, – развела руками Кузьминична.

– Что ж, спасибо.

Теперь у меня рай для двадцатисемилетней девушки – можно носить любую стильную одежду, приставать к симпатичным интернам, есть и не полнеть, хотя представленный мной гамбургер по вкусу напоминал кусок пенопласта. После первого укуса я выкинула в помойку мой первый неудавшийся гастрономический эксперимент.

Да уж, живи и радуйся, или лучше сказать – умри и радуйся.

Так, я начала понимать Кузьминичну, черный юмор здесь действительно актуален и наиболее уместен.

Все мои мечты, планы в прямом смысле этого слова похоронены.

Откуда я знаю свой жизненный путь и предназначение?

Я всегда жила, как растет в огороде крапива.

Сначала детский сад, потом школа, поступление в престижный вуз, начало взрослой жизни, попытки построения личной жизни, была одна серьезная неудавшаяся любовная исто-

рия, о которой я даже вспоминать не хочу. И вот теперь в двадцать семь лет мое тело захоронят сегодня-завтра, а я в качестве бесплотного духа болтаюсь в парке подмосковной больницы.

Весело, ничего не скажешь.

Глава 5. О сколько нам открытий чудных...

Мы с Кузьминичной вместе шли по осенней, заваленной разноцветными листьями больницы аллее в сторону главного корпуса. Иногда навстречу нам попадались немногочисленные посетители клиники, медперсонал, да и сами больные, решившие прогуляться погожим осенним днем.

Никто из них нас не замечал, проходил буквально в нескольких сантиметрах от нашей странной парочки.

Один пожилой господин в длинном однобортном пальто, вертя в руках деревянную трость со стальным набалдашником, так вообще бесцеремонно прошел сквозь меня. Я даже не успела отскочить или отодвинуться. Это весьма неприятно, могу я вам сказать, когда через тебя проходят различные субъекты.

Хотя погода особенно не располагала к длительным прогулкам, мы с моей коллегой по несчастью молча брели по продуваемой ветром дорожке, думая каждая о своем.

Конечно, мы могли мгновенно переместиться в любую точку клиники, да и в любой уголок земного шара. Но к чему это и зачем?

Главный вопрос существования у меня сейчас был не «Кто виноват?», а «Что делать?».

Кузьминична с поистине королевским ледяным спокойствием рядом со мной курила тонкую сигару в изящном перламутровом мундштуке.

– Хотя никотин я не чувствую, мне просто приятно держать сигару в руках, ощущать себя хоть немного живой, – пояснила она мне.

Постояв немного на широких ступенях клиники, задрав голову вверх в осеннее небо, я долго думала и пыталась найти смысл в том, в чем смысла я не видела.

Я не знала свое предназначение и просила небо подарить мне хоть одну-единственную малюсенькую подсказку.

– Так нечестно, так несправедливо, это все не так должно было быть, – вопрошала я небеса.

Но те были глухи к заблудшей душе Алисы Владимировны Вороновой, недавно усопшей.

Наконец-то успокоившись, я взяла себя в руки и взялась за ручку двери, но вспомнила, что теперь мне это действие без надобности – я ведь могу проходить сквозь любые стены и любые препятствия.

Оглянувшись вокруг, я нигде не увидела моей новоприобретенной подружки Кузьминичны. Я даже не заметила, как и в какой момент она телепортировалась.

Даже не попрощалась.

Видимо, загробная этика далека от совершенства.

Сквозь кирпичную стену я просочилась в холл первого этажа и там застыла на месте от увиденного.

За раскидистым фикусом с большими вечнозелеными листьями на диванчике из белой кожи сидела моя подруга Юлька. Точнее, даже не сидела, а полулежала, вплотную прижавшись к моему бывшему парню Олегу, ее плечи вздрагивали, она рыдала во весь голос, даже не скрывая этого. Олег сидел, нахохлившись, идеально прямо, как деревянная кукла. Вся его напряженная поза свидетельствовала о том, насколько сильно он пытается скрыть свои эмоции.

Представившаяся моему взору картина абсолютно выбила меня из колеи – не нужно гадать, почему или все-таки по кому так усиленно рыдает моя Юлька. Значит, ей уже сообщили о моей смерти.

Я подошла поближе к дивану, присела на корточки возле Юлиных ног.

Моя милая дорогая Юленька Зинина, моя самая преданная и любимая подруга, через сколько всего мы с ней прошли, сколько зимних вечеров я отпаивала ее чаем на своей кро-

хотной кухне, размером всего пять квадратных метров, очередной раз выслушивая ее стенания о подлинной сущности нынешних особ мужского пола. Именно такими же слезами, какие она сейчас проливала по мне, Юля каждый раз плакала и проклинала в сердцах симпатичного предателя, разбившего ее девичьи грезы.

Я до сих пор не могу понять, почему на пути красавицы, хрупкой блондинки Юленьки с наивными голубыми детскими глазами все время попадались безжалостные стервецы, которые, покрутив с моей подружкой месяц-другой по одинаковому сценарию, испарялись в дали туманной. Юля страдала после каждого предателя больше трех месяцев, постоянно терзая свой мобильный телефон, ожидая от красавца звонка или эсмэски. Но ни один из кавалеров ни разу не объяснил девушке причину своего столь постыдного бегства.

Мои реанимационные мероприятия по восстановлению разрушенной психики подруги каждый раз заканчивались одинаково: пока на горизонте снова не появлялся принц Юлиной мечты.

И выглядели все ее кавалеры примерно одинаково, тут явно не поспоришь с женскими журналами о подсознательном выборе избранника. Высоченные brutальные качки с интеллектом в зачаточном состоянии, чаще всего приехавшие с просторов нашей необъятной Родины. Они с радостью клевали на молодую красивую москвичку Зинину, та с головой погружалась в омут чувств, полностью растворяясь в своих Сашах, Петях, Васях, Генах, был даже один, насколько я помню, по имени Захар. Она порхала по квартире, готовила кучу всевозможных вкусностей, весь дом ее сверкал чистотой и уютом, Юлька штудировала женские книжки из серии «Как доставить мужчине несравненное удовольствие», тратила немислимые деньги на кружевное белье и шелковые простыни, но... в одно далеко не прекрасное утро после незабываемой ночи любви, после которой нужно сразу же отправляться за подвенечным платьем, находила возле кровати скомканную записку с жуткими орфографическими ошибками практически в каждом слове, смысл которой сводился к общему: «Прости, прощай».

Юля никак не могла понять, что ее ухажеры предпочитают лишь футбол (хоккей, баскетбол, волейбол) и пиво (водка, тоник, портвейн), а ее робкие попытки сходить в консерваторию, или на новую выставку авангардистов, или на премьеру модного арт-хаусного режиссера, а быть может, вечером почитать Бродского, вызывали у них лишь взрыв нездорового хохота. Она же терпеть не могла пиво, лишь красное вино и шампанское по значимому поводу, ненавидела шумные дискотеки в прокуренном тесном зале, не понимала, как можно культурно отдыхать на лавочке возле подъезда с бутылочкой светлого нефилтрованного.

Они были пришельцами с разных планет, совсем разные, которые пересеклись лишь на короткое время, и поделаться с этим было ничего не возможно.

Сейчас же Зинина рыдала, используя уже не меня в качестве жилетки, а моего экс-бойфренда.

Интересно, кто же теперь будет приводить ее в чувства?

– Нет, Лисааааа, нет, она не могла умереть, – выводила на высокой ноте Юля, сморкаясь в рукав черного свитера Олега. Кстати, этот свитер я купила ему при нашей совместной поездке на рождественские каникулы в Чехию.

Он гладил ее по голове, что-то ободряющее шептал на ухо. У меня в сердце кольнула иголка ревности.

Ну, мои дорогие, меня еще похоронить не успели, а вы тут уже воркуете, голуби?

– Не реви, Юля, все будет хорошо, ну же, не надо. Алисе сейчас там хорошо, – успокаивал мою подругу Олег.

Да уж, хорошо, смотреть, как быстро они спелись.

Что же это я злорадствую, у них близкая подруга умерла. Конечно же, они ищут поддержки друг у друга. Интересно, чем эта поддержка может закончиться?

Юлке никогда не нравился Олег, и, по правде говоря, она частенько нашептывала мне про него гадости, которые в конечном итоге оказались истинной правдой.

Даже сейчас больно вспоминать, какие «концерты» устраивал мне мой благоверный, а я, дурочка, его слушала, а он, вымолив на коленях прощение, через пару дней принимался за старое.

Но когда нужно, он умел прикидываться паинькой и пускать пыль в глаза.

Высокий, стройный, стильно одевающийся, с блестящим образованием, он казался мне сбывшейся женской мечтой, я всерьез собиралась за него замуж.

Но мы с ним оказались абсолютно разными людьми, он меня никогда не понимал, и что еще хуже – даже и не хотел понимать.

Я сидела на корточках у Юлиных ног и с грустью смотрела на двух самых близких мне людей. Непрошенные слезы катились по моим щекам, но я даже не стыдилась этого. Их не нужно было вытирать, все равно меня никто не видел.

Самый трагизм ситуации заключался в том, что я сидела всего в паре сантиметров от друзей, меня оплакивающих, но они не чувствовали этого. Я же не могла даже прикоснуться, обнять их, сообщить, что не нужно плакать, что я тут рядом, совсем близко.

Но нашу «плачевную» идиллию совсем скоро потревожил неожиданный посетитель.

– Госпожа Зинина? – вежливое покашливание раздалось за моей спиной.

Обернувшись, я увидела мужчину лет тридцати – тридцати пяти в дешевой кожаной куртке и грязных стоптанных башмаках.

Я просто феноменально бешусь, когда вижу у мужчины грязную обувь.

Тут вспоминается шедевр советского кинематографа «Москва слезам не верит» и героя Алексея Баталова – «слесаря-интеллигента» Гошу с его нечищенными ботинками. Так тот хотя бы понимал, что лицо мужчины – это его обувь. К сожалению, в наше время многие представители сильного пола пренебрегают элементарными правилами гигиены.

Рыжая кожаная куртка тоже была в каких-то странных засаленных пятнах, на локтях была местами вытерта, и в общем весь облик незнакомца свидетельствовал о его довольно скромном финансовом положении. Вещи были явно куплены на дешевом китайском рынке, и какие бы яркие лейблы ни умудрялись трудолюбивые жители Поднебесной приштопывать к своим изделиям – далеко была видна их реальная стоимость.

Мужчину можно даже было бы назвать довольно симпатичным, если бы не уставший и какой-то ожесточенный взгляд светло-карих, орехового цвета, глаз. Это были глаза человека, много пережившего и знающего истинную ценность жизни.

– Следователь Еремин Иван Андреевич, – представился он Юле и Олегу. – Я могу с вами поговорить, госпожа Зинина? – поинтересовался он у Юльки.

«Госпожа», – фыркнула я.

Надо же, недавно всех именовали не иначе, как «товарищи», теперь всех принято величать «господами».

Это старосветское обращение абсолютно не сочеталось с дешевым обликом следователя Еремина, его нечищенными ботинками и удручающе тоскливым взглядом.

«А говорят, что в системе МВД заоблачные зарплаты у следователей, но «господин» Еремин явно не похож на преуспевающего сотрудника. Быть может, он складывает деньги в кубышку, хранит всю зарплату под матрасом и копит деньги на черный день?» – принялась фантазировать я.

Юля подскочила с дивана, принялась судорожно размазывать слезы по зареванному лицу.

Весь макияж у нее поплыл, глаза превратились в две щелочки, и голос у нее дрожал, когда она спросила:

– Поговорить со мной? Но о чем? У нас тут горе...

– Да, – вскочил Олег и присоединился к разговору, – вы разве не понимаете, у нас умерла близкая подруга. Мне кажется, сейчас не подходящее время для разговоров.

– Время вполне подходящее, а о вашей подруге как раз и пойдет речь. Алиса Владимировна Воронова, вы ведь о ней говорите?

Опаньки!

А ему-то что понадобилось от моей скромной персоны?

– Юлия Александровна, выпейте воды, умойтесь, я вас подожду здесь, и мы сможем побеседовать о вашей покойной подруге, – официальным казарменным тоном произнес Еремин.

– Да, конечно, я сейчас. – Юлия уныло поплелась в женскую комнату.

– А вы, если я не ошибаюсь, Олег Завьялов? Бывший... ммм... друг Алисы Вороновой, – даже не спрашивая, утвердительно уточнил Еремин.

Такое фамильярное обращение «mmm... друг» даже меня выбило из колеи, что же говорить про Олега, который всегда отличался вспыльчивым и невыносимым характером.

– Да, это я. И да, у нас с Алисой были отношения, – с плохо скрываемым недовольством сквозь зубы процедил Олег.

Еремин будто бы и не заметил вспыхнувших в глазах Олега сатанинских огоньков.

Глава 6. День не задался...

С самого утра я чувствовал себя не в своей тарелке.

Ровно в пять утра, игнорируя раз и навсегда заведенные мною правила выходить на прогулку в полседьмого, меня с грозным рыком разбудил Ланселот.

Огромный мраморный дог, своим ростом напоминающий взрослого теленка, отличался исключительно добродушным нравом и донельзя миролюбивым характером.

Он никогда никого не укусил и даже не думал кусаться.

Комочек серой шерсти в картонной коробке был подброшен полгода назад под мой автомобиль, припаркованный возле места работы – Следственного управления города Химки.

Эта коробка чуть не вызвала приступ паники у меня и моего напарника Константина Желудева, когда, подходя к своей «Шевроле Лансер», я заметил что-то лишнее под ее днищем.

Во всех криминальных боевиках именно так выглядит самодельная бомба, со смертоносной мощностью способная разорвать не только всех пассажиров автомобиля, но и мимо проходящих прохожих.

Я в то время расследовал дерзкий налет парочки недружелюбно настроенных кавказцев на салон сотовых телефонов.

Только одно слово «расследовал» – и расследовать там было нечего.

Двоих молодчиков задержали на месте преступления силами охраны соседнего магазина.

Грозные джигиты пошли на дело с игрушечными пистолетами и даже не потрудились скрыть свои лица от всевидящего ока видеокамеры.

В камере же предварительного заключения они грозили немислимыми карами и кровной местью мне, якобы повинному в их незавидном положении.

Грозили-грозили, а на следующее утро под моей машиной появилась странная картонная коробка.

Было чего испугаться.

Вызванный сапер с овчаркой Джулли, которая гавкала не переставая на автомобильный презент, представил моему задумчивому взору маленький комочек серой шерсти – трогательного наивного щеночка с умненькими глазами.

Так у меня и появился Ланселот, имя он получил не в честь доблестного рыцаря круглого стола, а по марке автомобиля «Лансер», куда и был подкинут.

Кто это сделал и, главное, зачем, мне уже было не важно.

С Ланселотом мы быстро подружились, но я и не ожидал, что из маленького щенка всего за полгода способна вырасти такая огромная лошадь шестьдесят пять сантиметров в холке.

Глупый щенок, несмотря на свои впечатляющие габариты, очень любит ластиться ко всем, что иногда выглядит очень пугающе.

Представьте себе, гуляете вы на улице с маленьким той-терьером, размером с кошку, как откуда ни возьмись на вас по дороге летит огромный мраморный дог.

Намерения Ланселота не выдает его оскаленная пасть и горящие глаза, а ведь он всего лишь хочет познакомиться и обнюхаться с тойчиком. Кусать его, а тем более хозяина, он совершенно не планирует.

За догом на поводке (не ясно, кто кого выгуливает) лечу я, следователь Иван Еремин, и кричу, чтобы прохожие не боялись «собачку».

Особо впечатлительные бабульки падают в обморок при виде моего «Баскервиля».

Мы с Лансом сразу договорились: чтобы не разрушать мой быт старого холостяка, утром мы с ним гуляем по будильнику в шесть тридцать.

Ему вполне хватает времени сделать все свои дела, а мне на свежем воздухе перед моей «собачьей» работой выкурить одну-две сигареты.

Сегодня же часы предательски показывали пять ноль-ноль, а Ланс прыгал и скулил возле моей кровати, всем своим видом показывая, что ему уж очень срочно надо «пи-пи».

Сонный, недовольный, я вышел во двор и заметил, что второму моему боевому коню – красавцу «Шевроле Лансеру» – тоже нездоровится.

Какие-то отморозки разбили лобовое стекло и вытащили недавно купленную аудиосистему.

Интересно, а почему сигнализация не сработала?

Хотя я вчера вечером так быстро выключился, что даже если бы под моими окнами кого-либо убивали, я бы ничего не услышал.

Настроение было окончательно испорчено, я представил себе, сколько вместе с установкой стоит новое лобовое стекло и аудиосистема.

Вот придурки, не могли боковое выбить, оно дешевле стоит.

Чем это они, интересно, постарались такое учинить? Я не удивлюсь, если бутылкой пива.

Район, где я обитаю, считается не вполне благополучным.

Но практически все соседи знают, что я работаю в органах и что со мной живет верный песик, способный защитить хозяина и все его имущество.

Кроме утра был испорчен и весь промозглый осенний день.

Вместо верного авто мне пришлось ехать до работы в Управление на общественном транспорте. А переполненные маршрутки в час пик – это еще то удовольствие.

Приехав в самом скверном расположении духа на работу, я хмуро кивнул напарнику Косте Желудеву.

– Привет, Вань, что такой не в духе? – спросил Костя.

– Ой, даже и не спрашивай, не удивлюсь, если сегодня еще какая гадость случится. У моей ласточки лобовуху разбили, ауди вытащили.

– Вот скоты! Ну а кто это сделал, ты, конечно же, не знаешь.

– Догадываюсь.

– Да, надо твой настрой поднимать, пойдем кофейку выпьем. Напротив обалденное кафе открылось, – залезбил передо мной Костян, ему явно что-то было нужно от меня.

– Пойдем, только быстро, пока Семеныч не пришел.

Подполковник Сергей Семенович Неумывайко, или, как мы его за глаза называли, Семеныч, был грозой всего Управления и всех преступников района. За добродушным, неким глуповатым взглядом карих глаз скрывался железный непробиваемый характер. За какие-то четыре месяца назначения на пост он умудрился «построить» стальной рукой весь коллектив. Его боялись, его ненавидели, но вместе с тем все признавали его профессионализм и авторитет и искренне уважали.

«Обалденное кафе» в интерпретации Желудева оказалось обычной закуской с пластиковыми столами и стульями и безвкусным кофейным напитком в картонных стаканчиках. Назвать предложенную коричневую бурду благородным словом «кофе» было невозможно.

В поисках свободного места мы с Костей кружили по тесному залу. У меня в руках были два стакана с кипящим кофе, Костик придерживал на подносе два завернутых в белую бумагу бутерброда с колбасой.

Завидев свободный столик, я на всей крейсерской скорости рванул к нему, но тут в самый напряженный момент в кармане моего нового стильного пальто резко и требовательно зазвонил мобильник. Мелодия «Полет Валькирии» у меня ассоциируется только с начальством.

Даже не вытаскивая из кармана телефон, можно было догадаться, что звонит Семеныч.

От внезапного звонка стаканы с кофе пошатнулись, и всей своей кипящей сущностью пролились на мое бежевое пальто.

Теперь с огромными темными пятнами на светлом фоне я больше всего был похож на далматинца-переростка, да и ошпаренные кипятком пальцы не приносили особой радости.

Кое-как пристроив уже пустые стаканчики на ближайший столик, я ответил на звонок. Конечно же, это был он – всесильный и всемогущий Сергей Семенович.

– Добрый день, Иван Андреевич, объясните мне, пожалуйста, почему вы находитесь в разгар рабочего дня не на своем месте? – раздался из «Нокии» звучный глас начальства.

– Добрый день, я уже практически на рабочем месте, я вышел на секундочку за кофе, – принялся оправдываться я.

– За кофе? А чем же кофе в нашей столовой вас не устраивает? Надеюсь, вы уже успели оценить сей благородный напиток и наконец-то сможете приступить к своим прямым обязанностям?

– Да, да, конечно.

– Через пять минут жду вас в моем кабинете.

Трубка замолчала.

Да, день сегодня великолепный, ничего не скажешь.

Прелесть благородного напитка, оцененного по достоинству лишь моим новым пальто, предательски растекалась уже по подолу.

– М-да, как уж тебя угораздило?

Конечно, это был участливый Костик. Он, видать, родился под счастливой звездой, всегда за прогулы ловят только меня. Даже когда мы учились вместе с Желудевым на юрфаке, получал за его проделки только я. Костик же вечно выходил сухим из воды.

Сам Желудев называл свою удачливость «Законом кармы», а тут, как говорится, ничего не попишешь.

Быстро скинув испорченное пальто, я уже через несколько минут оказался в кабинете всесильного начальства.

Семеныч задумчиво курил у открытого окна.

– А, явился, значит? Присаживайся, – указал подполковник на жесткий стул. – Рассказывай.

– Что именно рассказывать? Что именно вас интересует? – Я заерзал на неудобном сиденье.

Семеныч внимательнейшим образом разглядывал мой запачканный кофе воротник рубашки. Даже недовольно скривился.

– Я тут нечаянно кофе облился, – принялся что-то бессвязное лепетать я.

– Кофе... А, ну ладно, черт с ним, с кофе. Тут у меня для тебя новое дельце есть.

– Что за дельце?

– Ты в полицейских сводках не встречал фамилии Светланы Федоркиной и Ольги Большаковой? – проигнорировал мои вопросы подполковник.

– Что-то такое припоминаю, но, кажется, в обоих случаях это были некриминальные смерти. Девушки, насколько я помню, умерли в больнице, что-то с сердцем, кажется. Я читал сводку. Федоркина? Что-то знакомое. Она, случайно, не родственница Степану Федоркину? Из мэрии.

– Именно, что. Он же и надавил сверху, чтобы заинтересовались этими, казалось бы, некриминальными смертями.

– Так смерти же не криминальны, что между девушками общего?

– А фото потерпевших ты видел?

– Нет, я просто эти фамилии из сводки запомнил.

– А теперь посмотри сюда, ничего интересного не замечаешь?

Как фокусник, вытаскивающий из шляпы кролика, Семеныч извлек из лежащей перед ним на столе красной папки две цветные фотографии. На обеих были изображены улыбающимися две довольно-таки симпатичные молодые девушки. Объединял их красивый цвет голубых глаз, да и, пожалуй, длинные светло-каштановые локоны. Только у Федоркиной волосы на

фотографии были заколоты на затылке, а у Большаковой они длинным красивым распущенным каскадом обрамляли симпатичное личико.

– Ничего девочки, милые, – промычал я.

– Это все, что ты можешь по этому поводу сказать? – поинтересовался подполковник.

– Я не понимаю, почему смертями по естественной причине интересуется СК. Да, молодые девчонки, но с нашей экологией проблемы со здоровьем у каждой третьей-четвертой. А девчонки даже не очень похожи, таких, с подобным типом лица пол-Москвы и пол-области наберется.

– Ничего похожего, говоришь! – ухмыльнулся Семеныч. – Ну-ка, а что ты скажешь насчет этого? Почитай вслух, – он извлек из папки еще одну бумажку.

– Так, осмотр пациентки из больницы № 113 по адресу: ул. Ставропольская, 65. Это, кажется, где-то в районе Люблино.

– Да, там, ты читай, не отвлекайся.

– В 7.20 утра 21 августа поступила в бессознательном состоянии гражданка Большакова Ольга Сергеевна, 1985 года рождения. Предварительный диагноз «Скорой» – остановка сердца. – Я поднял глаза на подполковника.

– Дальше читай.

– При пациентке находилась женская сумочка из кожаменителя, в кошельке 215 рублей мелочью, проездной на метро, косметичка, расческа. Была одета в черное короткое платье, черные туфли на высоком каблуке, черные обтягивающие колготки.

– Теперь смотри другую выписку из истории болезни. Осмотр пациентки Федоркиной Светланы Генриховны, 1985 года рождения. В 8.15 утра 19 сентября поступила в Больницу № 96 по адресу: ул. Зоологическая, дом 12. Предварительный диагноз «Скорой» – остановка сердца. При пациентке находился женская сумочка, в кошельке 5000 рублей одной купюрой, ключи от автомобиля «Мазда-5», косметичка. Была одета в черное короткое платье, черные обтягивающие колготки, ботильоны на высоком каблуке, – прочитал я вторую бумажку.

– Все еще не находишь между ними общего? – спросил Сергей Семенович.

– Сердце и черное обтягивающее платье. Досадное совпадение.

– Обе девушки скончались в больницах, так и не приходя в сознание, обеим было двадцать семь лет. Но не это главное, посмотри на даты – Федоркину доставили в больницу 21 августа, Большакову – 19 сентября. А сегодня какое число?

– 18 октября, – запоздало догадался я. – Неужели у нас появился маньяк, любящий девушек в черных платьях и на каблуках и промышляющий раз в месяц? Но ведь причины смерти – не криминальные.

– Есть масса препаратов, способных вызвать проблемы с сердцем. А теперь, Еремин, обрати внимание на еще одну фотографию.

На свет была вытащена фотография чудной красавицы с огромными голубыми глазами и светло-русой косой.

– Познакомься, Алиса Владимировна Воронова, 1985 года рождения. Была найдена сегодня в нашем районе города Химки в бессознательном состоянии. На «Скорой» доставлена в больницу на улице Чкалова, где и скончалась в 8 утра, не приходя в сознание. Угадай, во что она была одета?

– Короткое черное платье?

– Точно, а еще черные сапоги на высоченной шпильке. Вот еще одна ласточка нашего любителя. Дуй в больницу, побеседуй с ее друзьями-товарищами, поговори с врачом. Короче, не мне тебя учить. Кстати, эта фотография с ее странички в соцсети, там можешь покопаться.

– Я понял. Я могу идти?

– Иди, Ваня, иди работай. И больше не опаздывай...

Зайдя в свой кабинет, который я делил с неутомимым Желудевым, я увидел, что мой напарник уже доедает купленные в «обалденном» кафе бутерброды. Мой, кстати, он уже доел, и, судя по довольной физиономии, совесть его абсолютно не замучила.

Увидев мой недовольный взгляд в направлении надкусанного сэндвича, Костя с набитым ртом пробубнил:

– Ой, ижжвини, пожалуйста, я тебя ждал-ждал, но так кушать захотелось. Я тебе потом куплю другой бутер, хорошо?

– Хорошо, – с сожалением протянул я.

Мои мысли в этот момент были далеки от надкусанного завтрака, из головы все не выходила красавица с голубыми глазами Алиса Воронова.

Каким же надо быть мерзавцем, чтобы умертвить такую фею.

Зайдя на ее страницу в соцсети, я еще больше утвердился в своем мнении о подлинной красоте Алисы. Судя по аудио- и видеоматериалам на ее страничке, у девушки был прекрасный вкус и отличное чувство юмора.

Статусы и картинки на ее личной странице были не простой компиляцией всевозможных сайтов и комментов других пользователей, а носили собственный оригинальный характер.

Друзей у Алисы было предостаточно – больше сотни. Всех их проверить и поговорить – не реально для одного меня. Но во вкладке «лучший друг» была только одна девушка – хорошенькая блондинка со смешным курносим носиком Юлия Зинина. Кому, как не лучшей подруге, все знать о личной жизни Алисы. Может быть, у нее в окружении появились новые знакомые в последнее время. Надо обязательно поговорить с Зининой.

Юлия попадалась почти на всех общих фото с Алисой. Вот девушки сидят в уютном кафе, на другой фотографии улыбаются на пляже, а вот какое-то семейное торжество, накрытый праздничный стол. Здесь также часто мелькал другой персонаж – холеный красавчик Олег Завьялов. Судя по фото, он относился к категории мужчин, знающих о своей красоте и пользующийся ею направо и налево. Именно от него было много картинок, песен и статусов, отправленных на стену Алисе. Судя по всему, у них романтические отношения. То, что его имя не помещено Вороновой в статус «Семейное положение», ни о чем не говорит, не все в наше время статус подчеркивают.

Но в последний месяц-два от Завьялова на стенку Вороновой сыпались статусы и песни с одним рефреном – «Прости» и «Вернись».

Значит, красотка поняла истинную сущность Завьялова и решила порвать с ним.

Интересно, здесь есть о чем поговорить с Олегом. Может, у него на почве ревности снесло башню и он решил расправиться с бывшей возлюбленной.

Стоп, а как же тогда быть с другими девушками – они-то с Олегом никак не пересекались. Этот факт я тоже усиленно проверил по соцсетям. Ни одного общего знакомого у Олега с Федоркиной и Большаковой не было. Между собой девушки, по крайней мере, на этом сайте тоже не общались.

По документам, переданным мне шефом, они обе проживали в разных концах Москвы. Воронова же жила в городе Химки Московской области.

Социальный статус девушек тоже был различен. Москвичка Светлана Федоркина имела в собственности трехкомнатную квартиру в престижном районе, недалеко от метро Багратионовская, два дорогих автомобиля. Ольга Большакова жила в далеком Люблино вместе с отцом, неработающим пенсионером, да и в ее кошельке были крохотные суммы.

Так, общую информацию я собрал, теперь осталось съездить в больницу, поговорить с врачами. Желательно побеседовать и с бригадой медиков со «Скорой», привезших Алису.

Мое авто с выбитым лобовым сейчас тоскует во дворе, передвигаться придется на общественном транспорте – это понятно. Вот только что же делать с испорченным новым пальто, не ехать же в таком неприглядном виде. Разумеется, потом я отдам его в химчистку, надеюсь,

сотрудницы оной сумеют справиться с пятнами от коричневой бурды, зовущейся красивым словом «кофе». В одной рубашке тоже не поедешь – очень холодно.

Что же делать?

Я снял с вешалки грязное пальто, попытался оценить размер ущерба.

Костя, уже доевший свой и чужой завтрак, раскачиваясь на стуле, спросил:

– Зачем тебя Семеныч вызвал?

– Новое дело поручил. Мне сейчас в больницу нужно ехать, а как в таком виде, я даже не представляю.

– Ну, я в принципе знаю, как тебе помочь. У меня в машине старая куртка лежит, я в ней на дачу езжу. Старая, конечно, но ничего, добротная, теплая, а главное – чистая, – глубокомысленно заявил Константин.

– Ну ладно, уговорил, показывай свою куртку. И я поеду уже, некогда сидеть.

Глава 7. С такими друзьями врагов не нужно...

Я сидела на диване, в противоположной стороне от Олежки, и с изумлением смотрела на следователя Еремина.

С какой стати обо мне с моими друзьями собирается беседовать следователь? Ни в какие переделки я в последнее время не ввязывалась, наркотиками не баловалась, пьяных дебошей не устраивала – тьфу-тьфу, ни в чем криминальном не замечена.

Даже нечего вспомнить перед смертью, пошутила про себя я.

Что же ему тогда надо?

Неужели моей смертью заинтересовались не просто так! Может, меня действительно убили? Какой кошмар!

– Мы сможем поговорить здесь? – спросил Еремин у Олега.

– Здесь? Но о чем? Что происходит? Нам не о чем разговаривать, – кипятился Завьялов.

Он подскочил с дивана и с немым укором воззрился на собеседника.

Я только сейчас обратила внимание, насколько некрасива и груба у него линия подбородка, особенно когда он принимается кривить губы.

– Успокойтесь, Олег Юрьевич, можете присаживаться.

– Сесть я всегда успею, – глупо пошутил Олег. – Хорошо, спрашивайте, что там у вас?

Он продолжал стоять, сверху вниз смотря на сидящего на диване Еремина. Есть такой психологический прием, кажется, из разряда нейролингвистического программирования, когда, возвышаясь над оппонентом, доказываешь свою правоту на физическом уровне.

Но Иван Еремин тоже оказался не лыком шит.

– Присаживайтесь, Олег Юрьевич, пожалуйста, – последние слова он произнес донельзя вежливо, но взгляд его светло-карих глаз просто прожигал насквозь и таил в себе угрозу. Олегу пришлось согласиться.

Плюхнувшись на диван всего в нескольких сантиметрах от меня, он с вызовом взглянул на следователя:

– Ну?

– Олег Юрьевич, расскажите мне, пожалуйста, про Алису Владимировну Воронову, и в частности про ваши с ней отношения.

О, как я хорошо поблизости оказалась, сейчас узнаю о проблемах в наших отношениях с другой стороны баррикад.

– Мы с Алисой встречались, у нас были близкие отношения, – буркнул Олег.

– Никаких проблем в отношениях у вас не было?

– Нет, у нас все с ней было замечательно, мы даже собирались пожениться.

Ух ты, да неужели?

Олег врет и не краснеет. Никаких проблем, говоришь, не было?

А то, что я три месяца назад, застав в интимной обстановке с жуткой крашеной лохудрой, выставила тебя вон со всеми твоими шмотками – это никаких проблем не было?

Ах, мерзавец!

Мне захотелось своими руками придушить предателя. Я-то думала, он сейчас перед лицом следствия начнет каяться, рассказывать о наших проблемах. А тут – все хорошо, все замечательно...

– У вас все было замечательно? А вот у меня другая информация. Разве несколько месяцев назад вы не расстались с Алисой? – с улыбкой спросил Еремин.

– С чего вы взяли? Кто вам сказал? Маринка? Не слушайте эти бабьи сплетни! – снова взъярился Олег.

Маринка? Кто такая Маринка?

Да, много нового узнаю о своем бывшем.

Наверное, Марина – новая пассия Олега. Не долго же он оставался один, такие парни на прилавке долго не залеживаются.

– У меня свои информаторы. Так что, у вас несколько месяцев назад не произошел конфликт с Вороновой?

– Ну, в любых отношениях бывают взлеты и падения. У нас с Алисой никогда не было конфликтов. Мы жили душа в душу, любили друг друга...

«Как же», – фыркнула я.

– Несколько месяцев назад у нас было легкое недоразумение, но отношения мы не рывали.

– Настолько легкое недоразумение, что вы все последние два месяца умоляли Алису вернуться?

Лицо Олега побагровело, я подумала, что сейчас его хватит удар.

– Это не ваше дело. Мы любили друг друга, я вам все сказал.

– Хорошо, тогда ответьте еще на один вопрос – в последнее время, если, как вы утверждаете, вы продолжали поддерживать отношения, не появились ли у Алисы новые странные знакомые, может, она боялась кого-нибудь, ей угрожали?

– А почему вы, собственно, спрашиваете? Вы что же, полагаете, что Алиса умерла не своей смертью? Ее что, убили? Но доктор нам с Юлей сказал, что у Лисы сердце не выдержало. Родители ее еще пока не приехали из другого города, поэтому врач сообщил о ее смерти нам.

– Мы рассматриваем сейчас все версии произошедшего, с доктором я позже побеседую. Так что о ее новых знакомых?

– При мне Алисе никто не угрожал, она ничего не боялась. Она была легким человеком, ее все любили.

– В своей квартире на Юбилейной она проживала одна?

– Нет, там жил я с Алисой, ну и еще Лешка.

– Лешка? Кто это? – удивился Еремин.

– Лешка – это ее рыжий кот. Она в нем души не чаяла, Алиса могла на последние деньги закупить ему вкусных консервов, в то время как я голодный сидел дома.

Надо же, голодный он дома сидел.

А работать не пробовал? Иногда это полезно. После того как Олег уволился с прежней работы, он в течение трех месяцев сидел у меня безвылазно дома, точнее, не сидел, а лежал на диване. Я трудилась на работе до позднего вечера, покупала продукты, готовила, стирала, убирала. А Олег изображал из себя мученика, доказывая мне, что в огромном московском мегаполисе невозможно в течение трех месяцев найти работу профессиональному дизайнеру.

По этому поводу у нас тоже часто возникали конфликты.

Я абсолютно не меркантильная особа, но когда ты так долго содержишь взрослого здорового мужика с руками и ногами, начинаешь задумываться, а на фиг тебе это надо.

Докатились мы до того, что Олег у меня принялся кланчить деньги чуть ли не на сигареты. Конечно, я на последние деньги куплю корм Лешке, тот мне хотя бы концерты не устраивает. А то, что Олег сидел целый день голодный – так извините, наверное, сложно достать из холодильника обед и элементарно подогреть его.

– А почему вы жили у Алисы? У вас же имеется своя собственная квартира на улице Галушкина?

– Квартира есть, но там сейчас живет моя мать, у нас с ней весьма натянутые отношения. И она ведет себя не всегда адекватно, – промямлил Олег.

«Не всегда адекватно», да Мария Афанасьевна – подлинная истеричка. Наши два визита к ней я вспоминаю как страшный сон. Ужиться с подобной ведьмой никому не удастся.

– А как у Алисы обстояли дела на работе? Может быть, у нее был конфликт там?

– На работе? Нет, на работе у нее было все спокойно. Она же не нефтью торговала, в самом же деле? Она писала статьи на каком-то сайте, БлондинКо.ру, кажется, так называется. А ее коллег я и не знаю. Алиса ничего о них не рассказывала...

Ты меня никогда и не слушал нормально, рассказывала, много чего рассказывала.

– Так, а вы знаете вообще каких-нибудь недоброжелателей Алисы? С кем у нее был конфликт?

– Ну, у нас есть соседка Наташка с пятого этажа, вот ее Алиса вроде бы недолюбливала.

Тут у меня начался просто гомерический хохот. Надо же, Олег вспомнил ту самую Наташку, а точнее, ту самую крашеную лохудру, с которой я его и застучала, вернувшись, как в старом анекдоте, не вовремя с работы.

– А с чем была связана нелюбовь Алисы к Наталье?

– Даже и не знаю, это какие-то женские разборки, – честными-пречестными глазами Олег смотрел на следователя.

«Женские разборки», – я снова фыркнула.

– Хорошо, и последний вопрос – вы знаете, во что сегодня была одета Алиса, когда ее привезли в больницу?

– Точно не знаю, нам отдали ее сумочку, она сейчас у Юли, а во что одета, я не знаю.

– Алиса предпочитала носить обувь на высоком каблуке?

– Не часто, но она носила каблуки, особенно если собиралась на свидание или в театр, кино.

– Спасибо большое, Олег. Я вас больше не задерживаю.

В это время из коридора, ведущего из женской комнаты, вышла Юлия.

Умывшись и подправив макияж, она выглядела хотя и печально, но уже намного лучше.

Олег уступил ей место, буркнув, что хотел бы выпить кофе, и отправился к кофейному автомату в другом конце больничного холла.

Посетителей сейчас было немного, Юлия присела на диван и вопросительно уставилась на Еремина.

– Юлия Александровна, я соболезную вашему горю. Но хотел бы задать вам несколько вопросов о вашей подруге – Алисе Вороновой.

Сглотнув, Юлия печально кивнула.

– А что, Лису убили? Но как же? Нам ведь сказали... – снова принялась хлюпать носом Юлия.

– Я пытаюсь разобраться в случившемся, рассматриваю все версии. Расскажите мне о своей подруге.

– С Алисой мы познакомились довольно давно, лет семь назад. Она тогда только приехала в Москву, поступать в вуз. Мы вместе учились с ней в университете. Мы были самыми близкими подругами. Сегодня утром мне позвонили из этой больницы. Спросили, знаю ли я Алису Воронову. Сказали, что произошел несчастный случай, – на этой фразе из глаз Юли снова полились слезы, – дозвониться до ее родителей в другой город доктор не смог, и связались со мной, попросили приехать. Я сначала подумала, что это дурацкий розыгрыш. Алиса никогда не болела серьезно, может быть, в больнице что-то перепутали, – так думала я. Мне было страшно ехать одной, я позвонила Олегу. В последнее время у них с Алисой были напряженные отношения, но все равно ведь мужчина – он должен помочь. Вместе на моей машине мы приехали сюда, а тут... Юлька снова принялась рыдать.

Еремин налил Юльке стакан воды из стоявшего в углу кулера.

– Успокойтесь, пожалуйста, Юлия Александровна. Вы сообщили, что у Алисы была напряженная ситуация с бывшим парнем Олегом, в чем это выразалось?

– Там была какая-то некрасивая история. Пару месяцев назад они разругались, но я думала, что, в принципе, Алиса его простит потом, помучает пару месяцев и простит.

«Помучает»? Нет, Юлька, и ты меня тоже до конца не понимаешь.

– А как, на ваш взгляд, Олег относился к Алисе?

Ну, сейчас начнется. Юлька Олега просто ненавидит, она наговорит следователю столько гадостей про моего бывшего, что хватит на три пожизненных.

– Олег очень хорошо относится к Алисе, точнее, относился, – корректно начала излагать Юля.

Что я слышу? Такого просто не может быть!

Чтобы воинствующая Юлька говорила хорошие слова про моего бывшего?!!

Мир действительно сошел с ума.

– У них иногда бывали ссоры и разлады, но это все нормально, так бывает, – продолжала гнуть свою линию Юля.

– А из-за чего чаще всего у них случались конфликты?

– Чаще всего на почве ревности. Алиса – красивая девушка, на нее многие заглядывались, но она Олегу не изменяла, ни в коем случае...

ЧТО?? Со слов Зиминной получается, что это я вертела хвостом направо и налево, а мой доблестный рыцарь Олег направлял меня, непутевую, на путь истинный!

Как она может такое говорить? Юлька же прекрасно знает всю ситуацию!

– А Олег изменял Алисе? У него были другие девушки, кроме нее?

– Нет, конечно. Олег очень домашний и верный был в отношениях, всегда во всем помогал ей. Я постоянно восторгалась их парой, их сказочными отношениями. Но вот Алиса могла засматриваться на других парней, я ее постоянно уговаривала не бросать такого хорошего парня. А она мне про него такие гадости рассказывала, и я думаю, вполне могла ему изменять. Может, это ее любовник убил?

Любовник? У меня? Она что, рехнулась?

– Если честно, хотя про мертвых плохо не говорят, но Алиса частенько вешалась на разных мужиков. Бывшему постоянно звонила...

И ты, Брут??! Нет, подобного вынести я просто не могла! Вот Иуда!

Я перевесилась через диван и, забыв о своей бесплотной сущности, попыталась броситься на Юлю.

Все эмоции были накалены.

Мои сжатые кулаки прошли сквозь Зимину, не нанеся ей ощутимого вреда, но вот стаканчик с водой, который Юля все еще держала в руках, вздрогнул, пошатнулся и перекинул все свое содержимое на мою предательницу-подругу.

– Вот черт, – взвизгнула она, облившись.

Что? Я могу двигать предметы? Как же мне это удалось?

Юля, настороженно посматривая вокруг, принялась осторожно выжимать подол своего темно-зеленого платья.

Я только сейчас заметила, что слезы давно высохли, да и рыдала она, если честно, как-то слишком наигранно, как в дешевых мелодрамах. Теперь я не верила ей ни на секунду.

Иван Еремин вежливо кашлянул, взглянул на притихшую Зинину и задал еще вопрос:

– Когда вы в последний раз видели Алису?

– Виделись мы с ней на этих выходных. В субботу вдвоем ходили на новый фильм, немного посидели в кафе, поболтали, – ответила Юля.

– Вы не заметили ничего странного в ее поведении? Алиса вам ничего странного не говорила, может, она кого-либо боялась, опасалась? Может быть, ей угрожали? Старые поклонники? Новые?

– Нет, она ничего такого не говорила.

Еще бы не говорила. Ведь в тот день, да и как обычно, говорила в основном только Юлька, плакалась о своих проблемах, что ей скоро тридцать, она до сих пор не замужем, что нормальных мужчин в Москве не осталось.

– Алиса с кем-нибудь конфликтовала? Вы знаете, у нее были проблемы на работе или с родителями?

– Нет, она ничего такого не рассказывала.

– После ссоры с Олегом у нее появился новый молодой человек? Она вам ничего такого не рассказывала?

– Она про своих любовников особо не рассказывала. Но с такой внешностью, они, конечно, у нее были. Где-то месяц назад Алиса познакомилась в метро с каким-то парнем. Он оставил ей визитку, хотел пригласить на свидание, но Лиса так ему и не позвонила. Она сама мне со смехом рассказывала, что не хочет сейчас начинать новые отношения и ходить на свидания тоже пока не собирается. Врала, наверное...

Вот же дура. Ну при чем здесь какой-то Коля, которого я видела всего один раз на станции метро «Пушкинская». Да, симпатичный парень, да, оставил свой номер телефона, зачем же об этом рассказывать следователю?

Мне вдруг стало так неприятно, что мое грязное белье перетряхивается перед лицом посторонних мне людей.

– А как звали этого парня, вы не помните?

– То ли Коля, то ли Толя. Не помню, – с досадой процедила Зиминая.

– А где может быть та визитка с его телефоном?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.